

Реплики к статье

А. С. Каргина, А. В. Костиной
«От фольклора
сословий и классов —
к фольклору групп и личностей»

Н. Г. МИХАЙЛОВА
(Москва)

О СВЯЗИ СОВРЕМЕННЫХ СУБКУЛЬТУР С ФОЛЬКЛОРОМ

Статья, пожалуй, дает основания сделать общий вывод о происходящем распаде фольклорной культуры в современном мире при дроблении культуры на множество групповых субкультур. Это связано с общим процессом фрагментации, атомизации общества, ослаблением социальных связей в группах, сообществах разного масштаба и характера (локальных, региональных, социальных). Неизбежно сопутствует этому и ослабление исконных функций культуры как выразителя нормативно-ценностной базы народа, сообщества, группы, определяющей их идентичность, самобытность, образ жизни. В условиях тенденции к глобализации (и глокализации) в культуре в целом и групповых субкультурах на первый план часто выходят функции досугово-развлекательного характера, порой отражающие сферы специальных интересов отдельных социальных образований.

Авторы статьи весьма скрупулезно рассматривают молодежные субкультуры, неформальные сообщества в России и различные группы по интересам, в том числе вне-региональные, внетерриториальные, внеэтнические. В такой среде или средах формируется множество элементов субкультур, не всегда четко отделенных друг от друга. Обретение фольклорного облика в таких субкультурах возможно, однако этому часто препятствуют два обстоятельства. Первое — это незначительный срок, мимолетность существования групп, что затрудняет формирование такого важного для фольклора качества, как традиционность текста (в широком семиотическом

смысле) и форм его трансмиссии. Второе — это включенность членов группы одновременно в разные социальные образования и ситуации, т. е. по существу отсутствие определенного носителя культуры, своего рода космополитизм.

Поэтому возникает вопрос: насколько современные субкультуры можно и нужно считать фольклором (постфольклором, эпифольклором)? Наличие фольклорного слоя в субкультурах особенно явно применительно к прошлому. Фольклорная культура городской слободы, тюрьмы и ссылки, студентов, солдат и др. имела довольно замкнутый характер, создавалась, воспроизводилась, передавалась в своей среде в акте непосредственной коммуникации. При этом сохранялась ее определенная нормативно-ценностная целостность, а также был вполне определенный субъект-носитель. Таким образом, традиция могла довольно долго поддерживаться. Сложнее, как уже говорилось, обстоит дело в наше время.

Ограничение в социально-временном и пространственном диапазоне (культурном хронотопе) актуализирует задачу специального исследования отдельных групповых (не личностных) субкультур нашего времени с точки зрения их фольклорности.

В. Л. КЛЯУС
(Москва)

В публикуемой статье А. С. Каргин и А. В. Костина акцентируют внимание на современной социокультурной ситуации в России, которая является не просто контекстом бытования фольклора, но и, как убедительно показано авторами, определяющим фактором его функционирования и эволюции. Отметим, что речь идет, прежде всего, о фольклоре русском. Интерес к данной теме закономерен среди фольклористов и культурологов нашего времени. Накопленный наукой опыт в изучении традиционного (классического) фольклора, который позволяет ставить и решать широкий спектр вопросов, к сожалению, лишь гипотетически может описывать реальную историческую ситуацию, повлиявшую на возникновение тех или иных жанровых форм, сюжети-

ку, локальные варианты традиционного фольклора. Совершенно иная ситуация сегодня. Мы являемся не только свидетелями возникновения «нового» фольклора (слово «новый» я ставлю в кавычки, подразумевая под этим то, что называют и постфольклором, и «третьей культурой»), но и можем, опираясь на существующий аналитический и методологический аппарат фольклористики, этнологии, социологии и культурологии, фиксировать процесс появления его форм и текстов, их эволюцию и проч. В этом смысле фольклористика находится в уникальной ситуации: она имеет возможность и способна ставить эксперименты (которые, в общем-то, уже и идут, так как поставлены самой жизнью), позволяющие пролить свет на механизмы и закономерности возникновения фольклора в целом как явления общественной и духовной культуры. Собственно, это является одним из ключевых тезисов А. С. Каргина и А. В. Костиной. Но здесь мы не должны забывать и о том, что фольклористы сегодня — не только исследователи «нового» фольклора, но и, по определению, одновременно его носители и создатели, наравне с другими нашими согражданами. Поэтому, как ни странно, исследовательская рефлексия может и должна иметь место при обсуждении этой широкой, имеющей почти философский характер темы. Этого, на мой взгляд, в какой-то степени не хватает данной статье.

Нарисованная авторами картина дифференциации, фрагментации современного российского сообщества соответствует действительности. И хотя авторы упоминают в основном маргинальные субкультуры, в первую очередь, молодежные группы, подчеркивающие свою особенность языковыми средствами, одеждой, украшениями и т. д., понятно, что любое социокультурное, этнотерриториальное, конфессиональное, профессиональное и проч. сообщество имеет свои отличительные признаки во всех этих характеристиках, в том числе и в своих «фольклорах».

Но здесь сразу возникает вопрос о том, что понимается под «фольклором». Разговор об этом ведется давно. В частности, он подробно обсуждался в преддверии Первого Всероссийского конгресса фольк-

лористов (см. «Традиционная культура» 2005, № 2—4). Авторы публикуемой статьи придерживаются достаточно широкого понимания «нового» фольклора, включая в него, к примеру, «словарь улыбок» программистов, городские граффити, так как, по их мнению, «фольклорным становится простейший символ, знак, надпись, речевка, фраза и т. п.». Не вступая в дискуссию по данному поводу и соглашаясь с тем, что современный фольклор приобретает качественно иные формы бытования, чем фольклор классический, отмечу, что при этом он не теряет такого своего значимого свойства, как нарративность: сюжетность, мотивность, образность по-прежнему остаются его важнейшими составными элементами, а «символ» и «знак» — это лишь формы их выражения, причем достаточно архаичные.

Тезис А. С. Каргина и А. В. Костиной о том, что сегодня «многие люди представляют одновременно от имени большого числа различных субкультур, различаемых по социальным, этническим, профессиональным признакам, по спортивным, досуговым, музыкальным и т. п. предпочтениям», которые в свою очередь обладают собственным фольклором, не вызывает возражений. Но реальная картина такова, что конкретный человек хотя и может быть представителем нескольких субкультур, но не всех сразу и, я бы даже сказал, — только какого-то ограниченного их числа. К тому же наборы этих субкультур обладают некими комплиментарными свойствами. К примеру, среди панков вряд ли можно найти поклонников телевизионных мыльных опер. А те и другие, конечно, имеют свой «фольклор».

А. С. Каргин и А. В. Костина, обращая внимание на современное социокультурное состояние общества, напоминают о том, что и в эпоху классического фольклора (до XVIII — начала XIX вв.) «народ» не был однородным, и его различные группы входили в более крупные социальные структуры. Но в этом смысле, на мой взгляд, сегодня мало что изменилось. К тому же, фольклористика оперирует лишь материалом, зафиксированным в XIX и XX вв., и мы не можем говорить с определенностью о характере «фольклора», к примеру, IX—XIII вв., когда, как пишут авторы, «только “зави-

симое население” состояло из двух больших групп: слуг (“отроки”, конюхи, “тиуны”, “кормильцы”) и непосредственных производителей (“рядовичи”, “смерды”, “холопы”, ремесленники). Не исключено, что внутри их существовали и более дробные образования — территориальные, политические, как минимум. Правда, это имеет гипотетический характер, и невозможно провести их точную стратификацию, а тем более говорить об их «фольклорах». Во всяком случае, если они и существовали, то, по мнению А. С. Каргина и А. В. Костиной, не противостояли, а сочетались друг с другом «по принципу взаимодополнительности с универсальными в социальном смысле жанрами, к примеру, семейно-бытового и календарного фольклора».

Не исключая указанных «точек сборки» классического фольклора, обращу внимание на другой процесс, который всегда был свойственен фольклору как средству коммуникации, но который в новейшее время приобрел качественно иной характер по причине размывания социальных границ — взаимоперетекание фольк-

лорного «материала» между отдельными людьми, группами, сословиями, классами. Созданный в одной среде фольклорный текст может стать достоянием иных групп. Благо средств, распространяющих «фольклоры», именно сегодня превеликое множество — от телевидения до желтой прессы и Интернета.

Еще один момент — каждый из нас как личность в конкретный момент времени является носителем определенного фольклорного репертуара. Он разнообразен и подвижен, мы получаем и создаем его одновременно в общении со сверстниками, со старшими и младшими по возрасту, в школе или университете, на работе, даже на улице от случайных прохожих, через СМИ и т. д. С исследовательской точки зрения любопытно, что в этом репертуаре мы сохраняем на протяжении всей своей жизни, а что утрачиваем, что входит в наш репертуар навсегда, а что, даже при всем нашем желании, не остается в нем. Думаю, что такой «личный» фольклор был всегда, даже в архаичную эпоху. Правда, только в наше время фольклористика имеет все возможности и средства его изучения.

Внимание!

**Уважаемые читатели, вы можете приобрести издания
Государственного республиканского центра русского фольклора
по адресу:**

**г. Москва, Турчанинов пер., д. 6;
e-mail: crf@inbox.ru;
(499) 245-22-05;
(499) 245-20-79,**

а также в магазинах:

**Галерея книги «Нина»:
г. Москва, ул. Бахрушина, 28;
(495) 959-20-94;
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru;**

**«Гнозис»:
г. Москва, Зубовский проезд, д. 2, стр. 1;
(499) 255-77-57;
e-mail: gnosis@pochta.ru;**

**Интернет-магазин: Издательство ЛКИ:
(499) 135-42-46, 135-42-16;
e-mail: Zakupki@urss.ru.**

